

Reigon Nort

НЕ ВОДИТЕ МЕНЯ ЗА НОС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Reigon Nort

Не водите меня за нос

<https://litres.ru/74677499>

SelfPub; 2026

Аннотация

Стремясь во что бы то ни стало получить повышение в рекламном агентстве, Кирилл придумывает способ, как при помощи собственной жены, Анисии, отвлечь главного конкурента, Никиту, от борьбы за повышение. Коварный план быстро оборачивается непредсказуемыми последствиями для всех троих, лишней раз напоминая: не рой яму другому.

Содержание

Серия первая	4
Серия вторая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Не водите меня за нос

Серия первая

Принято считать, что улыбка, это всегда показатель положительных эмоций: если не счастья, то хотя бы радости. На деле всё далеко не так: в большинстве случаев человек скрывает за улыбкой раздражение, агрессию или даже страх — в ситуациях, когда страх показывать нельзя.

Вот и сейчас перед нами развернулась очередная картина спрятанных за улыбкой эмоций: дюжина человек в деловых костюмах натужно улыбаются, скрывая за дорогими произведениями дантистов страх и ненависть, напополам поделённую с презрением. Нельзя ни улыбаться, когда на тебя смотрит начальник — не стоит давать ему хоть малейших поводов думать, будто ты ему не рад и для тебя не высшая честь находиться с ним в одном помещении.

И пусть это помещение невыносимо душное; пусть на шею давит безвкусный скучный галстук; пусть ты покраснелся, словно первомайский флаг, и больше всего тебе хочется окунуться в море — терпи и улыбайся! Начальство бдит.

Дешёвенький кондиционер старался изо всех сил и отрабатывал стоимость более чем на полную (возможно, он был лучшим и самым ответственным работником из всех присутствующих), но его робких сил хватало только, когда ка-

бинет презентаций заполнялся лишь наполовину. А сейчас он полон, — полон людьми, потеющими не только от зноя, но и от нервозности, — и летняя жара, нещадно бьющая в панорамные окна, разогревала комнату до лёгких температур духовки.

Холодно было только Кириллу.

Когда выносишь на суд уважаемых экспертов дело всей жизни, то тело холодеет так, что и в полуденной Сахаре озябнешь до костей.

— Как я считаю, нам нужно сделать упор на то, что спорт, это путь к успеху. — Вот уж кому сейчас было не до улыбок, так это Кириллу. — Нужно сделать ролик, где покажем мужчине, купившего одежду нашего клиента. И после этого у него в жизни становится всё замечательно: дорогие машины, длинноногие девушки, высокий социальный статус — всё это тут же врывается в его жизнь. Покажем покупателям, что спорт, это не только способ укрепить своё тело, но и возможность изменить свою жизнь. В конце концов, все занимаются спортом именно из-за этого. Вернее, в надежде на это.

— Что ж, Кирилл, — будучи начальником рекламного агентства, Григорий Вячеславович был единственным, кто мог позволить себе не улыбаться, — эта стратегия выглядит перспективной. Быть может, мы и увеличим клиентуру нашего заказчика на пару миллионов.

Предпочтя промолчать в ответ на сдержанную похвалу,

Кирилл коротко кивнул. И даже его кивок не издал ни звука, словно Кирилл находился в вакууме.

— Ну что, присаживайся за стол к остальным, — Григорий указал ладонью на стол. — А мы теперь слушаем предложение Никиты. Прошу, Никита, как в школе: к доске!

Невысокий щуплый в огромных круглых очках — внешне полная противоположность Кириллу — молодой человек поднялся из-за стола и, взяв подмышку несколько скрученных листов ватмана, направился к белой квадратной пластиковой доске. По пути он, казалось, и не заметил, как едва не столкнулся со своим конкурентом Кириллом, идущим обратно за стол.

Нервно прилепив раскрученные листы к доске, он поправил очки и осмотрел присутствующих.

— Ну же, Никита, смелее. Мы все ждём от тебя презентации. А время — деньги. В том числе и твои. — Григорий улыбнулся, с прищуром осматривая сидевших за столом.

— Как показал мой анализ рынка... кхм... — Никита опустил взгляд и потёр горло. — Как показал мой анализ рынка, большинство людей, покупающих спортивную форму, никогда не занимались спортом и не планируют этого делать. Они покупают такую одежду просто потому, что она удобная. Так зачем нам ограничивать клиентуру только спортсменами, давайте привлечём к продукту и гедонистов?

— Интересный подход, — Григорий ещё раз пробежался взором по присутствующим, ища заинтересованности и в

них, но все сидели с переполненными безразличием лицами.

— Успех, это хорошо, но его нужно добиваться, а большинство людей хотят просто жить: без планов покорения вселенной. Поэтому нам нужно снять ролик, в котором один актёр бежит по дорожкам в парке, второй сидит на скамейке в том же парке и ведёт деловые переговоры, а третий и вовсе умиротворённо лежит на лужайке. И все трое одеты в форму нашего заказчика, — Никита провёл карандашом тонкую полукруглую линию сверху вниз, соединяя два прямоугольника, обозначающие разные группы потребителей. — Нам нужно показать, что одежда нашего заказчика, это не только путь к красивому здоровому телу и успеху, но и просто комфорт и удобство. Поскольку многим последнее нужно не меньше первого. А ещё, реклама лучше работает, когда она составлена, как история. Нужно сочинить рассказ, где объединялись бы все эти герои в один сюжет, тогда реклама возымеет огромный успех.

Крепко сжав карандаш в кулаке, Никита посмотрел на начальника, молчанием демонстрируя, что презентация закончена.

Григорий в момент посерьёзней и приложил к нижней губе согнутый крючком указательный палец левой руки. Медленно потирая гладко выбритый подбородок большим пальцем, он осматривал схемы на доске, глубоко утопая в кресле.

Тишину в эти мгновения нарушал только кондиционер.

— Это очень впечатляющая идея. Вы проделали хорошую

работу, Никита, — Григорий развернулся на кресле к другим присутствующим. — Ну да хватит рассыпаться в комплиментах. Это только первые стадии проектов, так что далеко идущих выводов делать рано. Как и устраивать оживлённые дискуссии. Всем спасибо, все свободны.

Вот теперь уже действительно улыбаясь от радости, офисные работники засобирались, чуть ли не наперегонки покидая кабинет для презентаций, чтобы поскорее убраться из-под взора начальника и преступить к своим обязанностям.

— Кирилл, останься, — Григорий даже не посмотрел на подчинённого, прекрасно представляя, что твориться у того в голове и что происходит у того с лицом.

Последним, покинувшим кабинет, оказался Никита, и он, будучи предельно вежливым человеком, тихо закрыл за собой дверь.

Услышав лёгкий хлопок стального язычка двери, Григорий поднялся и подошёл к окну. Смотря с высоты на центральный рынок, он чувствовал себя хозяином мира, пусть и понимал, что это совершенно не соответствует действительности.

— В чём дело, Григорий Вячеславович? — Кирилл не особо любил тянуть кота за хвост и расплёскиваться в любезностях, а сразу переходил к делу.

В отличие от Григория, который не спешил отвечать на вопрос подчинённого, а наслаждался видом из окна.

— Буду честен, — Григорий повернулся к Кириллу, скла-

дывая руки за спиной, — в этом соревновании ты мой фаворит. Я хочу, чтобы ты стал начальником седьмого рекламного отдела. Но как глава корпорации, я должен быть беспристрастен. И я таким буду. Я отдам должность тому, кто выиграет в конкурсе, несмотря на все свои симпатии.

— Понимаю, — Кирилл кивнул, воспользовавшись паузой начальника.

Григорий строго и с разочарованием посмотрел на подчинённого:

— Вряд ли. При прочих равных, я отдам эту должность тебе: ты более общительный, в коллективе тебя больше уважают. Но то при прочих равных. А сейчас ты в отстающих. Тебе нужно приложить больше усилий, Кирилл. Не разочаруй меня.

Наклонив голову, Григорий из-под лба косо посмотрел в глаза Кириллу. В этом взгляде смешались и надежда, и упрёк, и дружеская доброжелательность, и где-то даже отцовская поддержка, которую очень часто сложно отличить от безнадёжного порицания.

— Я понял, Григорий Вячеславович, — словно это стало уже дурной привычкой, Кирилл вновь кивнул. В этот раз кивок вышел медленным глубоким с намётками аристократичной вежливости. — Я переработаю стратегию рекламной кампании.

Не дожидаясь разрешения от начальства, Кирилл покинул конференц-зал. Григорий же не поспешил возвращать-

ся в свой уютный кабинет директора, а предпочёл ещё раз бросить властный презрительный взгляд на людей, переполняющих центральный рынок.

Кирилл лежал на кровати, буравя взором потолок, будто тот вот-вот на него обрушится, и только мёртвый опечаленный взгляд мог остановить катастрофу. Две яркие лампы в потолочной люстре нещадно били по глазам бело-голубым, едва пульсирующим, свечением, заставляя глаза слезиться. В голове Кирилла периодически возникала мысль, что надо бы встать и выключить свет, чтобы прекратить эту отвратительную резь в глазах, однако накопившаяся за день усталость твердила, что лучше терпеть боль, чем подниматься с кровати.

Жену тревожить из-за такой мелочи Кирилл не хотел. Не только из чувства заботы, но и потому, что она так мило лежала рядом и столь нежно и приятно поглаживала его торс изящными тонкими пальцами.

— Любимый, что произошло? — она слегка наклонилась и поцеловала его плечо.

— С чего ты взяла, будто что-то случилось? — у него возникла «гениальная» мысль бросить в люстру подушку, чтобы лампочки разбились, и свет перестал гореть: и свет выключен, и с кровати вставать не надо.

— Я тут лежу перед тобой вся голая, а ты на меня даже не смотришь. Мы ещё не старые, чтобы терять друг к другу

сексуальный интерес. Думаю, у тебя что-то стряслось на работе, и ты об этом думаешь. Быть может, мне так получится тебя отвлечь, — она провела ладонью вдоль его тела, оставивая её на двадцать сантиметров ниже пупка.

— Ох, ёлки! — Кирилл от неожиданности приоткрыл рот и приподнял голову с подушки: он, в самом деле, приободрился, но надолго этого эффекта не хватило. — Ты права: всё дело в работе.

Он убрал её руку со своего тела и поднёс к губам, медленно целуя каждый пальчик на ней.

— Так и что же случилось? — Большинство девушек на её месте сказали бы, забудь это поскорей и не тащи работу в дом: пусть работа остаётся на работе. Но она не из таких: её всегда интересовало, что происходит у её молодого человека в голове и в жизни, даже если разговор об этом может выйти крайне неприятным.

— Моё повышение под вопросом, любимая — наконец он повернулся к ней и поцеловал её в губы, вспомнив, как ему повезло жениться на этой длинноволосой стройной спортивной брюнетке.

Сто шестьдесят девять сантиметров идеала!

С таким ростом она не считалась маленькой, но на фоне ста восьмидесяти одного сантиметрового мускулистого, словно боксёр, Кирилла, она выглядела миниатюрной, и ей это нравилось. Нравилось, что её почти не видно, когда он её обнимал, что всего одной рукой поднимал её к потолку, и

что никогда и никому не давал её в обиду.

— Ну не будет повышения и не будет. Чего расстраиваться? Тебе и так хорошо платят, — она улыбнулась, запуская пальцы в его густую короткую причёску; кисть прошла по лаконичной чёлке, острой макушке и остановилась на плоском затылке.

— Анисия, мы оба мечтаем завести детей. Хотя бы двоих. Ты этого хочешь, я этого хочу. На самом деле, безумно хочу, — Кирилл запрокинул голову и, прищурившись, закатил глаза. — Но в нашей однокомнатной квартире мы с ними не развернёмся. А на двухкомнатную нам ипотеку с моей нынешней зарплатой не дадут. Нам нужно это повышение, понимаешь? Нужно, если не хотим родить первого ребёнка к сорока годам.

— Я могу устроиться на работу, — Анисия потёрла мочку его правого уха указательным и большим пальцем.

— А кто будет за детьми смотреть? — он помотал головой, едва не сбрасывая её руку со своего лица. — Нет. Чтобы я спокойно работал, мне надо знать, что рядом с детьми ты, а не нянька, которой всё равно до детей, лишь бы деньги плотили. К тому же, ты молодая замужняя девушка — тебя не особо охотно возьмут на работу, поскольку ты можешь в любой момент забеременеть. Хоть через неделю после того, как устроишься на работу. И тогда фирме придётся оплачивать тебе декретный отпуск: платить за то, что ты сидишь дома и ничего не делаешь. Никто из работодателей не захо-

чет так рисковать.

— Какая-то совершенно несовременная у тебя позиция, — она засмеялась, совсем не обижаясь на его принятое считать в современном мире средневековое отношение к женщинам.

— Я, конечно, не собираюсь делать из тебя каторжницу, так что, если тебе надоело заниматься домашним хозяйством, можешь устроиться на работу или картины на улице рисовать — дело твоё. Ты мне не принадлежишь, — чувствуя вину за сказанное, он отвёл взгляд и растерянно поджал губы.

— Не согласна. Я принадлежу тебе, а ты принадлежишь мне, — Анисия вцепилась ногтями ему в ключицу, эротично прикусывая нижнюю губу.

— А-а-ау... — Кирилл растерялся, не понимая, что больше он чувствует: сладость или боль. Но это точно не сладкая боль. — Как скажете, моя госпожа.

— То-то же! — теперь она уставилась в потолок, улёгшись на спину и сложив руки под головой. — Значит, нам нужно это повышение, так? И в чём проблема?

— В Никите...

— О нет, — она резко приподнялась с кровати, — ты в него влюбился и хочешь теперь бросить меня и работу, чтобы отправиться с ним в другую страну?!

— Совсем дура, что ли?! — Кирилл покраснел и сжал кулаки, громко сопя через широко раздвинутые ноздри.

— Ты как с госпожой разговариваешь?! — находя свою шутку про роман мужа на стороне невероятно остроумной, Анисия задрала ноги в потолок и громко засмеялась, хватаясь за живот.

— Милая, я тебя люблю за многое, но точно не за твой юмор, — обхватив её колени, он прижал её ноги к своей пояснице, бережно их поглаживая.

— Верно, за мой юмор ты меня о-бо-жа-ешь, — она засмеялась ещё громче, упираясь пяткой в грудь мужу и отталкивая его.

— Может и так... если бы мне хоть что-то в тебе не нравилось, то меня бы здесь не было, — снова переведя взгляд в потолок, он завалился на спину и тяжело вздохнул.

— Да ладно тебе, не дуйся. Должна же я была попытаться хоть как-то поднять тебе настроение. Что там с этим Никитой? — кокетливо улыбаясь и сверкая глазками, она повернулась к нему, подперев щеку правой рукой.

— Мы с ним вдвоём конкурируем за эту должность. И пока он впереди. — Желваки на лице Кирилла надулись, а челюсти сжались до едва слышимого хруста.

— Он настолько хорош? — не понимая, как кто-то может быть лучше её супруга, Анисия пожала плечами.

— Да лох он последний: тощий низкий вечно скукоженный, как вопросительный знак; в очках этих своих дурацких. У него даже машины нет: ходит на работу пешком, — Кирилл поморщился, словно ему в лицо бросили тухлое мя-

со. — Хотя ему там и идти недалеко. Пересёк улицу Рокоссовского и уже на улице Черняховского, практически в паре метров от нашего офиса.

— Это, получается, он живёт на улице Генерала Соммера? — она нахмурилась, туманно вспоминая географию города.

— Угу. Раньше называлась Шёнштрассе, — Кирилл свёл брови так, что между ними образовалась горбинка, и скривил губы, не понимая, к чему он взялся читать лекции по истории.

— Знаю, — Анисия недобро посмотрела на супруга. — До сорок шестого года называлась в честь обер-президента Пруссии Теодора фон Шёна, а в шестьдесят шестом её переименовали в честь генерал-майора танковых войск Героя Советского Союза Андрея Иосифовича Соммера. Я хоть и домохозяйка, но образование у меня не хуже твоего.

— Прости. Не хотел тебя обидеть. Просто что-то вспомнилось, вот и ляпнул, — мило улыбнувшись, будто для фото в социальных сетях, он провёл рукой по сверкающим прямым волосам жены.

— Так значит, этот лох живёт там? — Анисия не хранила долго обиды, а уж на мужа тем более: она взяла его руку, скользящую по волосам, и приложила к своей щеке.

— Ага, с мамой в хрущёвке. Не понимаю этого: зарплата у него ровно такая же, как и у меня — мог бы снять себе жильё попрличней, — поглаживая большим пальцем щёку Анисии, Кирилл с наслаждением смотрел в её большие зе-

лёные глаза. — За исключением мамы, одинок: ни друзей, ни жены, ни даже девушки. Думаю, голых женщин он видел только в кино. Даже на работе с ним никто не общается. В общем, никакой личной жизни у парня.

— Да уж, кадр, — она хихикнула, пряча за улыбкой презрение.

— Да и чёрт бы с ним! — он убрал руку от супруги и обратно лёг на спину. Водя языком вдоль зубов, он щурился и сопел, подавляя гнев. — Как я должен конкурировать с человеком, у которого ничего кроме работы нет? Мне что, бросать тебя, слать на все четыре стороны друзей, прекратить ходить в зал, — взять забить на всю личную жизнь и круглосуточно корпеть над проектом дома и на работе, как делает этот задрот?

— Уж точно не стоит ставить жизнь на паузу из-за работы, — она придвинулась к нему и обняла левой рукой за плечи.

— Тоже так считаю... — Он открыл рот, чтобы зевнуть, но замер, беря долгую напряжённую паузу. — А что если уравнивать наши шансы по-другому?..

— Ты что удумал? — она ещё не совсем понимала, какая идея пришла в голову мужу, но ей уже это не нравилось. Анисия напряглась; рельеф каждого её мускула проявился на коже.

— Может, «поиграешь» с ним? — Кирилл резко повернулся к жене, смотря на неё пристально и с надеждой, однако во взгляде улавливался кровожадный инстинкт хищника. —

Такие, как он, рядом с девушками только в автобусе стояли. Тебе не составит труда его охмурить: улыбнёшься, построишь глазки, и он тут же расплывётся и начнёт называть тебя Богиней. Походишь с ним в парки да кафешки. А пока ты будешь морочить ему голову, я займусь проектом, а? Съездишь, завтра, на автобусе к его улице и подстроишь случайную встречу, как тебе план?

— Ты что мне предлагаешь, сволочь?! — Анисия ударила его кулаком в плечо, едва не причинив себе боли больше, чем ему.

— Я не прошу тебя с ним спать, — Кирилл умиротворяюще выставил перед собой открытые ладони, опираясь только на локоть и едва удерживая себя в полулежащем положении. — Для такого, как он, просто подержаться с девушкой за руку будет верхом блаженства. Я предлагаю тебе лишь пофлиртовать с ним, пока я не закончу проект. Только и всего.

— Я возмущалась не из-за секса, а из-за того, что ты предлагаешь мне ездить на общественном транспорте! — надув щёки и опустив голову, она посмотрела на него с наигранной обидой в глазах.

— Хорошо, отвезу тебя на машине. А теперь иди сюда! — Кирилл начал щекотать Анисию за рёбра и придвигаться к ней рывками, и когда она оказалась совсем рядом, он схватил её за бёдра и резко подтащил к себе.

Калининградская погода хуже капризного ребёнка — её

поведение меняется внезапно, колеблясь между противоположными гранями стремительней, чем рассудок психопата. В течение только года может быть лето жарче, чем в Африке, и зима холодней, чем за полярным кругом. И наоборот, тёплая зима, за которую не выпало ни одной снежинки, может смениться холодным летом с лёгкими снегопадами и небольшими морозами. Погода — дама совершенно не предсказуемая. Как известно, Нострадамус предсказал всё, — в том числе и начало Второй Мировой Войны, — но даже он не мог угадать погоду на завтра.

Но в нашем, самом западном регионе страны, не угадаешь, какой погода будет даже в следующий час. И тёплое солнечное утро — не значит, что полдень обойдётся без дождей и холода, любезно доставленных северным морским ветром.

Никита, как человек предусмотрительный, всегда носил в прямоугольной зелёной сумке не только документы и ватманы с таблицами, но и тоненькую куртку. На случай внезапного каприза погоды. Пока она щадила, и июньское утро жарило так, что хотелось раздеться, чтобы почувствовать хоть немного прохлады. Ответственный терпеливый и сдержанный Никита не поддавался озорным желанием и противостоял жаре, идя в тени домов. Он не позволил себе даже галстук ослабить, не говоря уже о том, чтобы снять чёрный пиджак его строгого делового костюма и пройтись хотя бы до дверей работы в белой выглаженной рубашке.

Он никогда не обращал внимания на прохожих, поскольку

ку ему казалось, что они недобро смотрят в ответ. Так что каждый поход на работу и обратно сопровождался созерцанием неба — оно постоянно виделось ему разным, пусть и таким похожим. И дело даже не в облаках: словно взором художника, он всякий раз видел мельчайшие различия в оттенках неба, воспринимая начало нового дня, как зарождение нового мира.

— Простите, молодой человек, — стройная черноволосая девушка, кокетливо улыбнулась, смотря на зазевавшегося Никиту.

— Вы ко мне обращаетесь?! — Никита поправил очки, с опаской взирая на внезапно возникшую перед ним девушку. Он едва не врезался в неё, мчась по улице, что добавляло ему ещё и чувство вины.

— Конечно! Все остальные ходят с суровым взглядом. Мол, не подходи, я весь такой важный и занятой. А у вас взгляд добрый. У вас даже есть время улыбаться. Вы, явно, не откажете человеку в помощи, — девушка провела рукой по волосам, потом по груди, слегка виднеющейся из неглубокого узкого декольте красного лёгкого платья.

— Неужели у кого-то нет времени улыбаться? — растерявшись от восхитительного вида девушки, он сосредоточился на самом незначительном смысле её слов.

— Вы будете удивлены. Ну так как, вы мне поможете? — она наклонила голову влево, заглядывая ему в глаза, тая за кокетливой улыбкой раздражение: любой другой парень на

его бы месте уже извивался возле её ног, с одержимым рвением спрашивая, чем он может помочь, а этот всё чего-то мнётся.

— Да, разумеется. Что я могу сделать? — противореча своему доброжелательному тону, он отстранился от незнакомки на один шаг и ещё сильнее нахмурился, панически подозревая неладное. Слишком во многих фильмах он видел, как соблазнительная красотка заманивает наивного паренька в глухую подворотню, где того бьют по голове и обворовывают, пока тот без сознания. А эта длинноволосая стройная чаровница своей несказанно потрясающей внешностью заманит кого угодно даже в самую очевидную ловушку.

— У меня телефон сел, поэтому я не могу воспользоваться навигатором. Скажите, отсюда я могу пройти на улицу Черняховского? — она повернулась к Никите затылком и небрежно указала левой рукой на нужную ей улицу.

Будь Никита более опытен в общении с людьми, то понял бы, что девушка прекрасно знает, куда идти, и просто ломает перед ним комедию. Но душевная простота и наивность, обусловленная отсутствием жизненного опыта, ставили забрало, не позволявшее разглядеть обман.

— Разумеется! Я как раз туда иду: там находится офис фирмы, в которой я работаю. Мы можем пройти туда вместе, — Никита смущённо улыбнулся, едва краснея, и опустил взгляд, не ожидая положительного ответа.

— Будет здорово! А в благодарность я приглашу вас в кафе. Угощу вас чем-нибудь за помощь! Вы ведь не откажетесь?! Или на той улице нет кафе? — Её бодрый весёлый быстрый голос, резко замедлился и утих. Она внезапно осознала, что не прервись она сейчас, то её лож стала бы очевидна даже самому последнему болвану.

— Точно знаю, что там есть одна блинная, в которой я давно хотел побывать, — он перестал бояться незнакомки, однако продолжал не понимать, почему та с ним столь мила и дружелюбна.

— Так, значит, вы работаете в рекламном агентстве? — Хотя они и пришли в блинную, но заказывать блины не стали: она перемешивала блестящей ложечкой кофе в белой маленькой чашке и робко поглядывала на круасан перед собой; он же обошёлся только чашкой кофе, поскольку совсем недавно позавтракал, а переждать не любил.

— Да, и весьма недурно: скоро получу повышение, — пытаясь скрыть горделивую улыбку, он поднёс ко рту чашку кофе. Желание покрасоваться перед очаровательной девушкой убедило его рассказать об успехах на работе, а природная застенчивость и робость заставляли скрывать, что он гордится собой и своими достижениями. Он сделал всего-то крошечный глоток, но всё равно подавился, поскольку улыбка так и не могла сойти с лица.

— Уверены, что у вас нет конкурентов за эту должность?

— она прищурилась и крепко сжала чашку кофе. Поднеся её ко рту, она сделала большой глоток, хищно скалясь.

— Нет, — Никита склонил голову и, скрестив руки на столе, почесал правую ладонь левым указательным пальцем. (Ему было неловко хвалить себя, но отрицать очевидного он не мог). Он не заметил этого внезапного исчезновения милоты и дружелюбия в поведении собеседницы. — Я хорош в своём деле. Однозначно, лучший в нашем офисе. Быть может, даже лучший в стране.

Девушке захотелось плеснуть кофе в лицо Никите, а затем вбить кулаком (а может и ногой) круасан ему в глотку, но она вспомнила, зачем здесь находится, и снова стала обаятельной да кокетливой. Извиваясь в кресле, будто жаждущая получить от хозяйки сметаны кошка, она сверкала ровной улыбкой и бегала взглядом по собеседнику.

— Какой перспективный молодой человек. Ещё и симпатичный. Ну как с таким не познакомится, — она отклонилась на кресле и закинула ногу на ногу. В её голосе были издевательские нотки, но их бы уловил только опытный психолог или человек, которого часто в жизни обманывали. — Может, представишься, и мы перейдём на «ты», а?

— Я бы очень хотел познакомиться, — Никита сложил перед собой ладони на столешнице и переплёл пальцы, — но по правилам этикета общения мужчина не должен называть имя первым.

Он отвёл от незнакомки взгляд и повернул голову вправо,

нервно боясь, что его сейчас засмеют за такую нелепую ортодоксальность. И его и в правду засмеяли, но только мысленно: собеседнице хватило такта и коварства не смеяться в лицо Никите.

— Анисия, — Наклонившись вперёд, она подала ему руку, поворачивая кисть тыльной стороной вверх, чтобы ему было удобней её поцеловать.

— Никита. Приятно познакомиться, — он не догадался, что руку надо целовать, и просто пожал её, будто знакомился с мужчиной. — Очень необычное имя. Такое точно существует?

— Все так реагируют, когда я представляюсь, — Анисия опять отклонилась назад и скрестила руки на коленях. — Такое имя действительно есть. Можешь достать телефон и проверить в интернете, я не обижусь.

— С этим некоторые проблемы... — Никита извлёк из сумки телефон и показал его новой знакомой.

Бело-оранжевый, похожий на щедрый кусок мыла, агрегат обладал скудным на цвета экраном, площадью со спичечный коробок, и стандартным набором из пятнадцати выстроенных в маршировальные ряды кнопок.

— Я думала, такими древними технологиями только старики пользуются. Почему ты его до сих пор не выкинул? — она прильнула к столу и всмотрелась в раритет мобильной связи, будто в мираж.

— А зачем? Он всё ещё работает и стабильно выполняет

все функции, которые мне нужны. Не вижу смысла менять что-то, если оно работает, — он повернул телефон экраном к себе и увидел, который час. — Ох, блин! Я уже на работу опаздываю. Прости, рад был пообщаться, но мне пора бежать.

— Раз ты такой отличный работник, то чего тебе бояться, разве могут уволить столь ценный кадр?! — едва сдерживая ехидную ухмылку, она откинулась в кресле, зажимая левую ладонь между бёдрами, а правой берясь за чашку.

— Я лучший, только пока работаю. Не безделье сделало меня грамотным специалистом, — Никита встал и, подняв с пола сумку, накинул её лямку на правую ключицу.

— Стой! Возьми мой номер телефона. Хотела сообщить тебе свой аккаунт в социальных сетях, но раз ты не любитель всего нового, то будем общаться как встарь, — Анисия достала из маленькой чёрной сумочки чёрную гелиевую авто-ручку и написала на салфетке набор цифр, а потом протянула этот клочок бумаги Никите.

— Спасибо! Надеюсь, ещё встретимся, — Никита схватил салфетку так, будто ему каждый день красивые девушки дают номера телефонов, и умчался прочь из кафе.

— Увидимся, можешь поверить, — отпивая кофе, Анисия протянула шёпотом последние слова, прекрасно понимая, что её уже никто не слышит. Её сверкающий добродушием взгляд сменился взором крадущейся к жертве тигрицы.

— Я не понял, Самоходов! Ты решил, что у нас тут детский сад?! Думаешь, можно приходить, когда захочешь, и уходить, когда вздумается?! — Григорий орал на Никиту, страстно наслаждаясь каждым моментом. Он видел, как все в офисе смотрят на него; видел, как дрожат окна от его крика; видел виноватый взгляд Никиты.

На работу опаздывали многие и делали это регулярно, и Григорий никогда никого не ругал. Но он не мог упустить момент, чтобы ни отчитать ненавистного ему подчинённого. Не будь Никита столь хорошим работником, Григорий бы давно его уволил. А так ему приходилось Никиту терпеть. И молча ненавидеть. И вот впервые за три года работы Никиты здесь, Григорию представилась возможность выплеснуть весь негатив в адрес этого парня. Пусть и за совершенно невинный проступок.

— Нет, Самоходов, тебе если надоело здесь работать, то ты так и скажи мне. Мол: «Григорий Викторович, я задолбался, не могу больше ваш офис видеть!» — В порыве гнева Григорий даже забыл своё отчество, назвав его неправильно. У некоторых работников это вызвало смех, который они всеми силами прятали под ладонями, чтобы не попасть под раздачу самим. — Так я всё пойму и тут же тебя уволю. Ну так что?

— Простите, Григорий Вячеславович. Мне очень стыдно, что я опоздал. Могу я приступить к работе? — Никите не

хватило смелости посмотреть на начальника; он отвернулся, скрестив перед собой руки, и посмотрел в окно на вольно летающих птиц.

— Ступай, — Григорий перестал кричать, но от этого его приказ прозвучал только грознее и презрительней.

— Привет, мам! — едва зайдя в квартиру, Никита сбросил с себя сумку, будто она весила тонну, и умиротворённо вздохнул. Несмотря на то что день выдался богатым, как на хорошие, так и на плохие события, Никита мысленно записал этот день в когорту приятных, а потом направился в ванну.

— Привет, сыночка. Как прошёл день? — мать не вышла встречать сына, а сразу же зазвенела тарелками и кастрюлями на кухне.

— В целом хорошо... замечательно! Но меня сегодня на работе впервые отчитали, — он сжал губы так плотно, что они исчезли с его лица, и немного опустил брови, ожидая очередного выговора за сегодня. Крана и раковины он из-за этого практически не видел, но годы, проведённые в этой квартире, позволили ему открыть кран и взять с края раковины мыло на автомате: без всякого зрительного контроля.

— Ну и хорошо, что отчитали. Глядишь, у тебя после этого друзья на работе появятся. Мой руки, сейчас суп подогрею, — мать щёлкнула ручкой газовой плиты; из конфорки вылетели похожие на семечки струи синего пламени.

— С чего ты так решила? — выйдя из ванной, Никита вошёл на кухню и сел за деревянный квадратный столик у окна. Положив руки на столешницу, площадью с половину двери, он посмотрел на стриженные в каре чёрные волосы матери, с тоской замечая, что с каждым днём они становятся всё более и более седыми.

— Как бы так сказать... сына, ты у меня какой-то слишком правильный, — люди таких не любят, — выключив газ, она перелила суп из железной миски в фарфоровую тарелку. Тяжело двигая ногами с больными, едва гнущимися коленями, она подошла к столу и поставила тарелку перед сыном. Сев напротив него, она мило улыбнулась и подпёрла голову левой ладонью, оперевшись локтем на столешницу.

От супа шёл густой хорошо заметный пар, а также манящий запах курицы, куркумы и чеснока.

— С чего вдруг кому-то меня не любить? — Никита наклонился вперёд, подул на ложку с супом и отправил её в рот.

— Ну как с чего?.. Представь такую ситуацию: работает человек спустя рукава и ни о чём не переживает — зарплату платят и ладно. А свою халатность оправдывает тем, что все вокруг такие — все работают на отвяжись. А тут приходишь ты: парень, который за ту же самую зарплату батрачит по полной, — она повернулась к сыну правым боком и, продолжая подпирать голову (только теперь уже правой рукой), безразлично смотрела в гостиную, видную через открытый

дверной проём. — И тут его жизненные устои рушатся: оказывается, не все такие, как он; оказывается, кто-то усердно работает. Себя-то он менять не станет, — слишком трудно, — а вот ненавидеть и винить тебя, за порушенное оправдание безалаберности, это ему за милую душу. Теперь ты показал всем, что тоже не без греха, следовательно, недовольных взглядов в твою спину уменьшиться.

— Не стоит дорожить той дружбой, ради которой приходится менять себя. Особенно, если меняться приходится в худшую сторону, — Никита нечаянно ударил ложкой по дну тарелки, доедая остатки супа, и поморщился от противного звона.

— Менять себя всё равно приходится, сыночка, так или иначе... — она подняла взор в потолок, в очередной раз задумываясь, что надо бы сделать ремонт. — Так от чего день-то у тебя замечательный, если тебя на работе отчитали?

— Я познакомился с девушкой, — он отставил пустую тарелку и взял с подставки на подоконнике чистую чашку.

— Ого, вот это новость! Думала, ты боишься их как огня, — мать взяла на столешнице возле плиты слева от себя сахарницу и картонную коробку с пакетиками чая и передала их сыну.

— Ну, если честно, то сначала я испугался. Она подошла ко мне и заговорила; это поставило меня в ступор, но я быстро взял себя в руки, — смущённо улыбаясь, пряча взгляд и краснея, словно застуканный за постыдным заняти-

ем школьник, Никита наливал кипяток в белую чашку с синими узорами волн.

— Надо же, сама подошла и заговорила! Всегда знала, что ты у меня красивый и замечательный: ни одной девушке перед тобой не устоять. Где познакомились? — потеряв интерес к потолку, гостиной, к ремонту, она повернулась к сыну, наклонилась к нему и, подпирая подбородок обеими руками, смотрела на него, будто на самую интересную книгу, где вот-вот развернётся кульминация.

— На улице... — Никита растерялся и ошеломлённо посмотрел на мать, впервые видя её такой восторженной.

— Как подсказывает мой жизненный опыт: на улицах знакомятся либо аферисты, либо негодяи. Однако не стоит судить о человеке столь скоро. Пригласи её на свидание, там и видно будет. Но будь с ней осторожен. Хотя... тебе будет полезно приобрести хоть какой-то опыт общения с противоположным полом, даже если она разобьёт тебе сердце. Всяко лучше, чем всю жизнь общаться с компьютером, да матерью. Ты даже животное никакое не завёл себе для общения: двадцать четыре года, а всё один. Девушка-то хоть красивая? — она тоже взяла чистую чашку с подоконника и налила туда кипятка, закинув сахар и пакетик заварки.

— Невероятно красивая! Богиня просто! — достав из кармана брюк телефон, Никита отточенными движениями по затёртым кнопкам набирал сообщение, глядя то на мать, то на экран телефона.

— Ну, ты уж не спеши её на пьедестал ставить...

— Она ответила, что согласна! — Никита восторженно сверкнул взглядом и улыбнулся столь широко, что даже из-за телефона в руках мать видела края его губ. — Я ещё не успел написать ей, куда, а она уже согласилась.

— Согласилась на свидание, даже не узнав, куда ты её поведёшь?! Да ты у меня дамский угодник, — протянувшись через стол, она потрепала сына по голове.

— Ну мам, прекрати, — смущённо покраснев и опустив голову, он оттолкнул руку матери и поправил волосы обратно.

— Куда её поведёшь-то? — Встав из-за стола, она взяла тарелку сына из-под супа и подошла к раковине.

Никита резко поднял голову, растерянно уставившись в пространство перед собой. Держащие телефон руки задрожали; на лбу проступили лёгкие крапинки пота.

— Не... знаю...

— Моя подруга рассказывала, как недавно ходила с мужем в местный филиал Третьяковки: говорит, там красиво. Пригласи её туда, — открыв кран движением рукояти вверх, она подставила под напор тёплой воды тарелку и натёрла её губкой, обильно покрытой пеной моющего средства.

— Ну не знаю... я не люблю картины... — Никита замялся, покачивая головой и морща нос. — Мне больше наука нравится, чем искусство. Может, сходим с ней на могилу Канта?

— Сына, ты идиот?! — она швырнула тарелку в раковину и молнией развернулась к сыну. — Не хватало ещё к могилам на свиданиях ходить! Чего уж тут мелочиться: возьми с собой лопату — сразу самого Канта ей покажешь! Она оооочень впечатлится!

— Ладно, ладно. Я понял, мам, — Никита умиротворяюще выставил перед собой ладони, в правой сжимая телефон. — Третьяковка, так Третьяковка.

Он вновь поставил мобильник перед лицом и застрочил текст.

Серия вторая

Никита смотрел на парусный трёхмачтовый корабль, накренившийся влево. Представившийся в порту несокрушимым титаном, в море этот корабль выглядел песчинкой, едва способный сопротивляться буйству стихий. Бурные неистовые волны налетали на судно, пытаясь его подчинить. Мрачное озверевшее небо готово было извергнуть ещё одну молнию, чтобы запугать экипаж.

Никита чувствовал родство с кораблём: противостояние страхам, противоборство тяжёлым обстоятельствам, необходимость идти вперёд во что бы то ни стало, — всё это хорошо ему знакомо, как и любому человеку. Возможно, все понимали трудности корабля: гиганта на берегу — кроху в океане.

— Ты так заворожённо смотришь на эту картину. Что ты в ней видишь? — Анисия смотрела не на произведения искусства (их она видела множество раз ещё в художественной школе); она смотрела на Никиту, беззлобно поражаясь тому, как менялось его выражение лица от картины к картине.

— Честно говоря, — Никита прищурился и наклонился вперёд, словно его глаза это микроскоп, которым можно рассмотреть всё предельно детально, — я мало что понимаю в искусстве.

Анисия тихонько засмеялась, прикрывая рот ладонью.

Она смеялась не над невежеством собеседника, а над тем, что ему хватает смелости (а, может, честности) вот так признаться в своих слабостях.

— Вот когда мы смотрели предыдущую картину: «Суд Париса», — Никита показал большим пальцем себе за спину, указывая в другой зал. — Там мне хватило знаний, чтобы понять, что та картина исполнена в стиле барокко. И на этом всё. А тут я даже этого понять не могу. Айвазовский, конечно, велик. Но похоже, для меня он слишком велик. Наверное, это живопись: природа же всё-таки нарисована. Что скажешь?

Хмурясь и робея, он повернулся к Анисии, ожидая, что его сейчас осмеют.

Анисия не стала проявлять такую жестокость, а впервые за время свидания посмотрела на картину, а не на кавалера:

— Ну... тут, определённо, видны мотивы зарождения импрессионизма. Разумеется, этот стиль зародился только спустя тридцать лет, после появления этой картины. И зародиться он во Франции. Но Айвазовский ездил с этой работой на международные выставки, в том числе и в Европу: он вполне мог оказать влияние на появление такого стиля живописи...

— Импрессионизм?! — Никита прервал Анисию и уставился на неё, хмурясь всё сильнее. — Ты можешь не материться? Мы же в приличном месте находимся.

Никита широко расставил руки и несколько раз повертелся на месте, указывая на всю галерею.

Анисия засмеялась и согнулась едва ли не в чёткий прямой угол. Она закрывала рот ладонями, но от этого её смех становился только громче.

Все вокруг стали коситься на неё с Никитой.

— Рад, что всё-таки смог тебя рассмешить, — Никита и сам улыбнулся, широко расправляя плечи и выпячивая грудь колесом, словно его награждали медалью за героический подвиг.

— Пойдём отсюда. Я знаю место, где мы можем провести время лучше, — подавляя смех, Анисия взяла Никиту за руку и потащила из галереи.

Светлый летний вечер встретил их приятной прохладой. Луна сияла меж облаков серебром. Широкая река тихо текла вдоль набережной.

— Куда ты собираешься меня отвезти? — Никита немного испугался и отстранился от Анисии, хоть и не отпустил её руку.

— Тут недалеко есть гастробар: пойдём туда. Я проголодалась, — она сама отпустила его руку, чувствуя в нём некую напряжённость.

— На Парадной набережной есть гастробары?! Я думал, тут нельзя продавать алкоголь — это же образовательный район, — он почесал висок указательным пальцем, думая, так ли хорошо знает город, как ему казалось.

— Это гастробар, дурында, — она приложила телефон к терминалу аренды самокатов, на терминале загорелась зелё-

ная плашка, означавшая, что аренда началась. Анисия взяла электросамокат со стойки и вскочила на него. — Догоняй!

Вслед за ней, Никита тоже приложил телефон к терминалу.

— Эй, так нечестно: ты стартовала сильно раньше меня, — он взял самокат и погнался за ней, однако уже со старта отставание казалось не отыгрываемым.

— Отговорки — удел неудачников! Глотай пыль, лузер! — она рассмеялась, запрокидывая голову и почти не смотря на дорогу.

Для вечера выходного дня улица пустовала. Людей на тротуарах практически не встречалось, поэтому им никто не мешал гнать вперёд, и, что самое главное, они никому не мешали своей импровизированной погоней.

— Ах, лузер, значит... ну, погоди. Сейчас мы посмотрим, кто из нас будет пыль глотать! — Никита несколько раз оттолкнулся ногой от тротуарной плитки, но это практически не прибавило скорости его электросамокату.

Анисия приехала до общепита первая. Она поставила самокат на специальную подставку, дождалась, когда придёт уведомление о том, что аренда транспортного средства завершена, и только к этому моменту подъехал Никита.

— Черепаха ты Торчила, — она легонько ударила его пальцем в лоб.

Никита смущённо улыбнулся и опустил голову, ставя самокат на подставку.

Анисия решила не заходить внутрь кафе (которое, почему-то, называет себя гастробаром — в чём там разница разбейтесь сами), а занять столик на улице рядом с шумной компанией из трёх мужчин средних лет. Никита же покорно поплёлся следом и, не дожидаясь, когда им принесут меню, продолжил разговор, едва они облокотились на высокий стол:

— Почему ты не позволила мне за тобой заехать, а сказала, чтобы мы встретились у входа в галерею, ты не хочешь говорить мне, где живёшь?

— Да нет, — Анисия поправила волосы и немного повиляла тазом, продолжая опираться на стол. — Я живу на улице Чайковского.

— Это там, где зоопарк, — Никита закивал головой. — Проезжал мимо несколько раз. Видел «Жилой дом шестьдесят четыре». Красивое здание!

— Да, не зря носит статус памятника архитектуры, — она наклонила голову на правый бок, смотря на дверь кафе, из которой так и не спешил выходить обслуживающий персонал, и ещё раз поправила волосы, глубоко запуская в них пальцы.

— Не знал, что это памятник архитектуры, — Никита нервно почесал мочку уха, осознавая, что второй раз за вечер выставил себя не разбирающимся в искусстве человеком.

— Главные красоты здесь, это твоя задница, детка! Шикарная фигура! — В разговор встрял центральный мужчи-

на из шумной компании. Он заржал и повернулся к двум друзьям, которые незамедлительно поддержали его таким же громким и противным смехом.

Анисия сделала вид, будто ничего не слышала, и не потратила на вульгарных мужчин даже косого взгляда.

— А ну, немедленно извинись! — Никита, пытаясь делать суровый взгляд, вышел из-за столика и направился к сказавшему мерзость мужчине.

— С чего бы мне извиняться за правду?! — он и его друзья заржали ещё громче, походя на группу замызганных свиней.

— Извинись за грубость, по-хорошему, — Никита всё приближался к их столику, даже не представляя, что будет делать дальше.

Анисия стояла молча, не поворачиваясь к хулиганам лицом, будто её вовсе не касалось происходящее.

— По-хорошему?! А если не извинюсь, то что? — перестав смеяться, но всё ещё сверкая улыбкой, он посмотрел на друзей, а потом на Никиту.

— Тогда огребёшь, — Никита поднял вяло сжатые кулаки к подбородку, очень неуклюже принимая стойку боксёра, однако крепкий большой кулак прилетел ему в челюсть, не успел Никита даже моргнуть.

Зато после пропущенного удара он крепко закрыл глаза и сразу упал.

— Идиоты! — гневно сверкнув взглядом на обидчиков,

Анисия подбежала к Никите и приподняла его голову: тот никак не отреагировал. — Очнись! Очнись!

Она била его по щекам, пытаясь привести в чувства.

Ударивший Никиту мужчина продолжал ржать, наперебой с друзьями:

— Подожди... — Его слова прерывались смехом, — я знаю... чем помочь.

Он взял стакан и вылил содержимое на лицо Никите. Брызги полетели во все стороны, попадая на штаны держащему стакан мужчине и на платье, и лицо Анисии.

Анисия не стала отклоняться или прикрываться руками: она продолжила держать голову Никиты, терпя летевшие на неё капли.

— Ау, — Никита открыл глаза и тут же коснулся лица левой ладонью.

— Давай, вставай. Уходим отсюда, — понимая Никиту с плитки, она ещё раз сверкнула грозным взглядом на гогочущих хулиганов.

Щурясь и продолжая держаться за голову, Никита поплёлся на ватных гнущихся, как ленты, ногах прочь от обидчиков. Он бы падал после каждого шага, если бы Анисия его не поддерживала.

— Придурки! — она метнула ещё один косой недобрый взгляд в ржущих мужчин, придерживая при этом Никиту левой рукой за его левое плечо, а правой за его правые рёбра.

— Вали, вали, рыцарь недоделанный! — центральный в

шумной компании мужчина взял недоеденное пирожное со своей тарелки и метнул его в спину Никите.

Вся компания хулиганов разразилась ещё более гомерическим хохотом.

Когда троица осталась далеко позади, Никита уже мог идти самостоятельно, вот только Анисия продолжала его придерживать и смотреть на его угрюмое печальное лицо, на котором не виднелось и намёка на ту яркость и радость, что была в начале их свидания. Никита не произнёс ни слова, — только порой постанывал от боли, — и всё время смотрел себе под ноги, боясь хотя бы мельком взглянуть на спутницу, которая всеми силами искала его взгляд: желая пересечься с ним, дабы понять, всё ли хорошо.

Она думала, что Никита молчит, потому что ему больно. Ей и в голову не приходило, что он молчалив и подавлен исключительно из-за стыда. Следя за каждым его шагом, она гадала, а не вызвать ли скорую, не упадёт ли он без сознания прямо сейчас, тут, на тротуаре. И всё-таки они добрались до дома Никиты без дополнительных эксцессов: Никиту даже нигде не вырвало по дороге — это значило, что сотрясения мозга нет, что уже хороший знак.

— Прости, — шёпотом раздавленного униженного человека, в котором не осталось ни капли самоуважения, выдавил он из себя всего одно слово, всё ещё не осмеливаясь посмотреть на собеседницу.

— За что ты извиняешься? Свидание вышло отличным: я

прекрасно провела время в галерее вместе с тобой! — она, конечно же, лукавила, но и выражением лица, и голосом так мастерски изображала радость, что ей бы поверил даже самый придирчивый режиссёр.

— Я не смог тебя защитить. Извини. Мне очень стыдно, — он отвернулся от неё, смотря влево: в пустоту между деревьев.

Только теперь Анисия поняла, почему Никита молчал всю дорогу. Она схватила его за подбородок и повернула его лицо к себе, так чтобы он заглянул в её глаза:

— Ты вёл себя очень храбро. Тебе нечего стыдиться и не за что извиняться, — она наклонилась к нему и поцеловала прямо в губы.

Аккуратный сдержанный совершенно не страстный и не романтичный, но всё же поцелуй: долгий и приятный.

— Вау... — как только его губы освободились, Никита смог произнести только это и не слова больше, да и то вышло весьма тихим и неразборчивым.

— До встречи! — Анисия кокетливо помахала пальчиками правой руки, озорно пожала обнажённым плечиком, на котором висела тонкая бретелька платья, и пошла по тротуару в северо-западном направлении.

Пройдя несколько метров под кронами деревьев, она обернулась, но Никиты уже не было. Она привыкла к тому, что обычно в таких случаях мужчины подолгу стоят на месте и смотрят ей в след, не желая даже моргать, а тут парень

просто ушёл, будто совсем не впечатлён её красотой. Анисию это задело и несколько обидело, несмотря на это она посчитала, что провела неплохой, хоть и скучный, вечер в компании приятного человека, и с такими чувствами ей было неловко возвращаться домой к мужу. Поскольку, на какое-то мгновение, она даже забыла, что замужем.

— Привет, мам! — всё ещё пошатываясь от последствий пропущенного удара, Никита опёрся ладонью на стену и, упираясь носком в каблук, поочерёдно снял с себя туфли.

— Привет, сына! Как прошло свидание? — Голос матери шёл из зала вперемешку с тихими голосами из телевизора.

Но тут же они замолкли, а вместо них Никита услышал едва уловимое шуршание коротких шагов, которое с каждой секундой становилось всё громче и всё ближе к прихожей.

— Прекрасно. Она меня поцеловала, — Никита сбросил на тумбу пиджак и принялся расстёгивать рубашку, говоря с таким пресным выражением лица, будто его ежедневно целовали различные красавицы.

— Боже, сына, а что с лицом? — мать всплеснула руками, увидев на щеке сына огромный синяк. — Это она тебя так сильно поцеловала?

— Не, — он беззаботно махнул рукой, стыдливо пряча взгляд, — это я подрался.

— Ну и хорошо, — мать развернулась и пошла на кухню. Стянув с себя рубашку и бросив её к пиджаку, Никита сел

на старый хлипкий стул в прихожей, прикрыл глаза и глубоко вдохнул через нос, а потом медленно выдохнул через рот. Дыхательные упражнения он проделывал, пока не услышал рядом шаги матери.

— Почему хорошо? Ты же мне с моих самых малых лет говорила, что драться нехорошо, — он открыл глаза и посмотрел на мать снизу вверх. Даже сидя на стуле, он был всего на пару сантиметров ниже стоявшей во весь рост матери.

— Ничего. Из-за девушки можно и подраться, — она приложила к его лицу завёрнутый в марлю лёд.

— Ох, так значительно легче. Спасибо, — не желая, чтобы мать долго стояла на и без того больных и вечно уставших ногах, он плавно перехватил у неё марлю и крепче прижал лёд к щеке.

Чувствуя приятную прохладу и ослабевание боли, Никита раскинулся на стуле, упираясь затылком в стену.

— Не переживай, совсем скоро пройдёт, — взяв рубашку и пиджак сына, она села на комод, стоявший напротив Никиты.

— Я и не переживаю. Мам... — Он оторвал голову от стены и грустно посмотрел в глаза матери.

— Что? — она распознала тревогу во взгляде сына, но ответила столь спокойно, будто ничего не случилось.

— Я хочу снять квартиру и жить отдельно. — Его голос задрожал, и колени затряслись, даже сердце забилось чаще, но вот решимость не дрогнула.

— Здорово. Очень правильное и своевременное решение,
— она не выдала грусть и тревогу: из неё вышла бы прекрасная актриса.

— Да?! — Глаза Никиты округлились, а челюсть отвисла.
— Рад, что ты восприняла это именно так: боялся, получить от тебя совершенно противоположную реакцию...

— Ты думал, я начну истерить и возмущаться из-за того, что мой сын вырастет??? Какой же плохой матерью ты меня считаешь...

Они оба тихонько засмеялись.

Придя домой, Анисия осторожно прикрыла за собой дверь и прошла в спальню. Кирилл сидел там за светло-коричневым узким столом и работал на компьютере. Кровать за его спиной едва отражалась в широком дорогом мониторе.

Казалось, Кирилл совсем не обратил внимания на вернувшуюся супругу, но как только та положила сумочку на трельяж и сбросила с себя обтягивающее чёрное платье, он сразу же к ней повернулся:

— Как всё прошло? Этот лох несильно утомил тебя своим занудством?

— Да нет, знаешь, — она пожала плечами и сжала губы в грустную улыбку, — он хоть и зануда жуткий, но всё же не такое ничтожество, как ты о нём рассказывал: он даже за меня заступился, несмотря на то что хулиганов было трое.

Оставаясь в одних только трусиках, она, наклонившись,

взяла с пола платье и понесла его к шкафу, зажатому между кроватью и стеной.

— В смысле, заступился? Какие хулиганы? — Кирилл сжал подлокотники кресла. В комнате, освещаемой только монитором, хорошо читался свирепый блеск его глаз.

— Да три каких-то мужлана отпустили сальный комментарий в мой адрес. Я на такое обычно даже внимания не обращаю, а он вот полез в драку, — вешая платье на пластиковый треугольник, она повернула голову к мужу, излагая всё столь беззаботно, словно пересказывала анекдот. Однако, увидев бушующий яростью огонь в его взгляде, вмиг посерьёзнела, тут же забыв об одежде.

Кирилл схватил со стола телефон и выбрал номер из списка контактов — ответили незамедлительно:

— Да. — Брутальный хрипловатый голос намекал, что говорит человек серьёзный.

— Артём, нужна твоя помощь: надо вместе со мной съездить кое-куда и объяснить нескольким типам, что они, мягко говоря, неправы, — Кирилл встал с кресла, выискивая на столе ключи от машины.

— Да не вопрос. Уже собираюсь, — голос в трубке даже стал немного радостнее от этой новости, ну и, конечно же, пафоснее.

— Спасибо, Артём. Я сейчас ещё Виктору позвоню: втроем поедем, — Кирилл сгрёб со столешницы ключи и подошёл к выходу из спальни.

— Отлично. До скорого!

Кирилл нажал на кнопку окончания вызова и посмотрел на Анисию:

— Говори адрес этого кафе.

Кирилл часто бывал с друзьями (да и Анисией) в этом заведении, так что искать ему его не пришлось. Компания у столиков на улице тоже была только одна, и как раз-таки ровно из трёх человек: все мужчины средних лет. Кирилл и его товарищи подошли к этой группе людей, натягивая на лица самые доброжелательные улыбки в их скудном на чувства арсенале.

— Привет парни! — Кирилл едва не подпрыгнул на месте, источая веселье и задор.

— Здравов... — слово взял снова центральный мужчина, отставляя стакан в сторону. Он, как и его друзья, напрягся от внезапного вторжения в их личное пространство: пусть подошедшие и улыбались на всю ширь лица, но выглядели угрожающе.

— Чё, как жизнь? — мрачней на глазах и облизывая высохшую от злости нижнюю губу, Кирилл свирепо смотрел на стоявших перед ним мужчин, стараясь не делать поспешных выводов.

— Зашибись была, пока ты не подошёл, — мужчина прогнал первоначальный страх и теперь смотрел на Кирилла с таким же дерзким вызовом, как и тот на него.

— Девушку эту видели? — Кирилл извлёк телефон и показал на его экране фото Анисии.

— Ну видели. И чё? Была тут недавно. Ты чё хочешь? — мужчина шагнул вперёд, расправляя плечи.

— Это ты ей гадостей наговорил? — Кирилл пошёл мужчине навстречу, ловко убирая смартфон в карман.

— Не гадостей наговорил, а сделал комплимент её заднице. Разницу-то надо знать, — мужик закивал головой, растопыривая пальцы.

— Давайте-ка парни мы с вами отойдём туда, где никому не помешаем: есть огромное желание перетереть с вами за манеры, — хрустнув костяшками пальцев, Кирилл улыбнулся, как улыбается только что выпотрошивший свою очередную жертву маньяк.

— Давай отойдём, — мужчина безразлично пожал плечами. — Только не плачь, когда больно будет. — Он самодовольно ухмыльнулся.

— Не переживай, больно будет только вам, — Кирилл подошёл к мужчине ещё ближе и взглядом остервенелого вепря посмотрел в глаза собеседнику.

Преодолев полсотни метров, они зашли в тёмный закоулок, забитый мусорными баками. Десяток чёрно-зелёных луж на асфальте, которые не исчезали даже в самый засушливый день, поприветствовал пришедших лунными бликами.

Поиграв плечами, Кирилл уставился на того, кто оскорбил

его жену:

— Готовься собирать свои зубы, урод!

— Смотри, своими зубами не подавись! — мужчина несколько раз хрустнул шеей, наклоняя голову то на один бок, то на другой, и набросился на Кирилла.

Завязалась драка!

Как в голливудских фильмах она не вышла (и уж тем более не получилась, как в индийском кино): всё завершилось быстро, — как практически в любой уличной драке, — несколько тяжёлых (не размашистых, но резких) ударов; пара захватов и пинков; добротная куча брани (куда ж без ма-та). Вот и вся феерия.

Кирилл и его команда, почти не пострадав, возвышались над поверженными оппонентами (которые лежали на влажном грязном асфальте, упираясь плечами и затылками в стенки мусорного бака, да вытирали ладонями кровь с лица). Поймав на себе взгляд раздосадованного соперника, Кирилл присел на корточки и посмотрел, с агрессивной улыбкой, тому в глаза:

— Если ещё раз увидишь эту девушку, то подойдёшь к ней и извинишься! И перед парнем тоже! Иначе я с ребятами приду к вам снова, — Кирилл достал из бумажника несколько тысячных купюр и бросил их окровавленному мужчине. — Вот, выпейте за мой счёт.

Кирилл поднялся и вместе с друзьями пошёл к припаркованной на обочине дороги машине. Все трое радостно хохо-

тали и улыбались, похлопывая друг друга по плечу.

Только когда их шаги окончательно стихли, и гул мотора унёсся вдаль, получивший деньги мужчина осмелился ответить:

— Это гастробар: тут не подают выпивку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.